

ВНЕЮБИЛЕЙНОЕ ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

В день 170-летия писателя в Ясной Поляне прошли
Третьи толстовские чтения

Незамысловатая история. — 1998. — 17 сент. — с. 9.

Владимир Березин

ПРАЗДНИК всегда имеет две стороны, и особенно юбилей. Эти две стороны — официальная и внутренняя. Как и положено юбилею, 170-летие Льва Толстого начиналось в Тульском театре драмы, тем, что называется торжественным собранием.

Всё это в рамках правил, принятых в бывшей литературоцентрической стране.

Общественного культа Толстого, слава богу, не приключилось. Дело не в политических обстоятельствах, а в некоей мистике. Видимо, то признание, что отдает официальнойностью, состоялось, но прошло мимо собственного народа. Этому загадочному народу привит скептицизм к самому выражению «общественная значимость». Он прошел через обязательное чтение ленинских статей о зеркале и русской революции. Сам русский язык с трудом образует и слово «толстоведы». Лишь пушкинисты стали органичным литературоведческим образованием. Что касается толстовцев, то это слово занято другим значением.

Поэтому признание стало внеюбилейным, литературным признанием читателей.

И вот в день жаркой осени, с непривычно и тревожно великоденной погодой гости говорили о Толстом.

Сказала слово министр культуры Наталья Дементьева, с характерной для кризисного времени приставкой «и.о.».

Говорила директор московского музея Толстого Лидия Любимова. Директор Библиотеки иностранной литературы Гениева привезла книги в подарок, да не собственно музею, а Толстовской школе.

9 сентября 1928 года была открыта Яснополянская школа, отметившая поэту свое семидесятилетие. Маленький мальчик, которого взяли на руки, громким, четким и хорошо поставленным голосом прочитал стихотворение.

Сказал слово Николай Пузин, старейший работник музея-заповедника, чей голос негромок, но внятен, в котором есть отзвук не-современного, исторического русского языка.

Подарили музею коллекционный, единственный в своем роде самовар. Его серебряный бок, вспыхнув, осветил собравшихся.

Появился даже не то буддист, не то кришнаит, с бритой, почти как самовар зеркалящей головой, с ярко-желтой лентой через плечо, и признался в своем отношении к Толстому ученичестве.

Приехали тульский губернатор Стародубцев и депутат Коржаков, известность которого тоже отчасти писательская. Коржаков давал в кулуарах интервью, где говорил, что, конечно, ненасилия не одобряет, и при случае даст сдачи, но все смертно, а Толстой между тем вечен.

День длится, в парке Клины, на полутемной поляне, поет хоровая капелла имени Юрлова. Воткнуты вокруг пробившиеся сквозь густоту парка солнечные лучи.

Капелла заканчивает выступление известным, государственно-известным фрагментом.

Эта музыка стала гимном, а гимн полагается слушать стоя.

Но гимн России теперь неизвестен. Может, дело в том, что поется в этом парке он со словами.

Сидят слушатели, аплодируют сидя.

Праздник, хорошо запущенный, катился дальше, теряя официальность, будто разговор ближе к концу вечера.

Были открыты третьи Толстовские чтения. Чтения эти не суть научные чтения, а суть встречи литераторов. В них нет четкого регламента, апробации ученых теорий, а есть, скорее, научный разговор.

И это разговоры о литературе, в которых имя писателя служит отправной точкой размышлений. Поэтому в их расписании находится место и для выступлений, и для выставки Натальи Толстой, и для концерта молодого певца Олега Погудина, и для путешествия в одно из самых мистических мест России — на Куликово поле.

Учительное одиночество Льва Толстого.

Встречи в Ясной Поляне похожи на шлюпку, в которой и правые и левые, скандально и просто известные, молодые да ста-

рые. Лодочка плывет, и слово «встреча» оправдывает это плавание. Писателей не стало меньше, стало меньше прилежных читателей — отпали читатели по обязанности. Александр Эбаноидзе, Борис Екимов, Валентин Курбатов, Павел Басинский,

Олег Павлов, Владислав Отрошенко, Анатолий Ким. Эти фамилии сочетаются здесь случайно, выступления не идут не в порядке алфавита, заслуг, или жесткой записи.

Но цементирующая фигура в Яснополянских чтениях одна — главный человек музея-заповедника, человек вполне молодой, но авторитетный даже для однократных гостей.

Это Владимир Ильич Толстой. Одно слово — наследник. Тип незаметного дирижера, род хозяина, не вмешивающегося в течение, но тем не менее присутствующего в нем.

Дело не только в самом проведении Толстовских чтений, проходящих при содействии Института «Открытое общество», дело в самом течении времени вокруг музея-заповедника, работе издательского центра, художественных выставках, журнале «Ясная Поляна».

Наконец, книжный магазин в здании тульского центра ничем не уступает хорошим московским книжным магазинам.

Одно является частью другого — литераторы и журнал, юбилей и обычная череда дней.

Хозяин, предвзято открытие праздника, в своем слове перед домом Толстого, говорил, что, когда «весь мир содрогается, от каких-то ужасных событий, изменятся непредсказуемо, мы будем надеяться, что новое тысячелетие, которое скоро начнется, будет ближе к идеалам ненасилия, будет оно тысячелетием любви, чему посвятил свою жизнь Лев Николаевич Толстой, ради чего он реался, метался, освобождался...

И мое сердце переполняется радостью от того, что в этот день все мы собрались здесь, в Ясной Поляне. Много гостей сегодня.

Слово о Толстом — самая неформальная форма для выражения чувств по отношению ко Льву Николаевичу, к Ясной Поляне, поэтому здесь нет ни особого регламента, ни четкой последовательности выступлений. Буквально каждый, кто хочет сказать буквально несколько слов, сможет это сделать...»